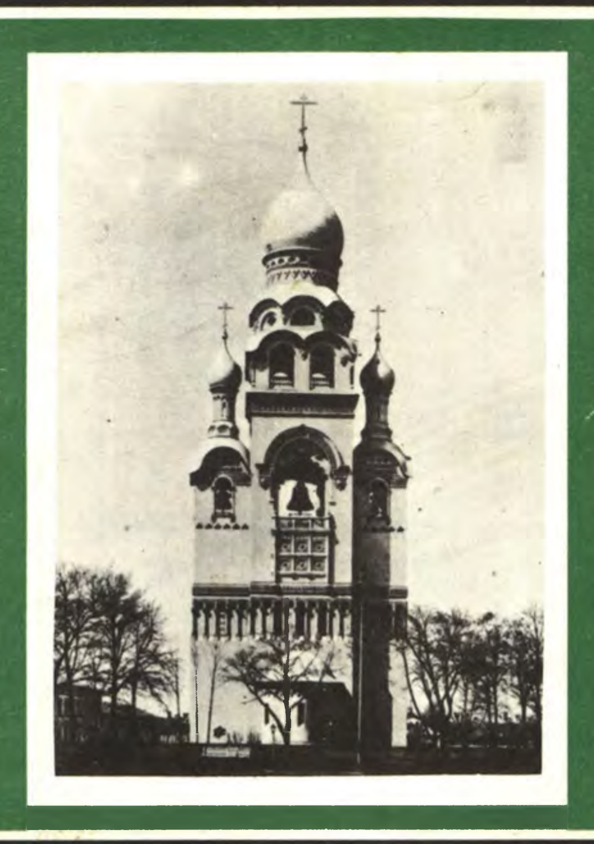
В. Е. МАКАРОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ РОГОЖСКОГО КЛАДБИЩА В МОСКВЕ

В. Е. Макаров

ОЧЕРК ИСТОРИИ РОГОЖСКОГО КЛАДБИЩА В МОСКВЕ

(К 140-летию его существования: 1771-1911 гг.)

Издание подготовлено издательским отделом Музея истории и культуры старообрядчества

Москва
БАРС
1994

Книга издается к 90-летию распечатывания алтарей Рогожского кладбища (1906—1996 гг.).

Данное издание осуществлено при поддержке Центра традиционной русской культуры «Преображенское» (г. Москва).

ISBN—5—900346—02—1

В. Е. Макаров

ОЧЕРК ИСТОРИИ РОГОЖСКОГО КЛАДБИЩА В МОСКВЕ

Подписано к печати 16.01.95 г.
Формат издания 72×108/32. Печать офсетная.
Печ. л, 2,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 137.

Отпечатано на фабрике офсетной печати
249020 г. Обиниск, ул. Королева, 6

Очерк истории Рогожского кладбища в Москве

(К 140-летию его существования: 1771-1911 гг.)

---

16 апреля минувшего 1910 года свершилась пятилетняя годовщина знаменательного и памятного в новейшей истории старообрядчества и всей России события, ознаменовавшего собою первый реальный признак крутого поворота в области давнишней несправедливой и жестокой политики правительства в отношении старообрядчества и прочих гонимых дотоле исповеданий; я разумею открытие алтарей Рогожского кладбища, пробывших запечатанными почти полвека по ложному доносу представителей государственной церкви. По поводу пятилетней годовщины этого важного исторического события, ныне, впрочем, омраченного вероисповедной политикой Государственного Совета, и в виду приближающегося исполнения 140-летия существования кладбища, я считаю полезным напомнить историю Рогожского кладбища, ныне являющегося центром всего старообрядчества, приемлющего Белокриницкое священство, и некоторые главнейшие черты из его жизни.

Сто сорок лет тому назад, отведенная в Москве за Рогожской заставой для погребения старообрядцев, приемлющих священство, местность Рогожского кладбища представляла не что иное, как несколько могил рядом с большим курганом, свидетелем моровой язвы (чумы) 1771 года. Могилы не были даже обнесены забором, как ныне, ни осенены этими соснами, березами, липами и другими деревьями, дающими живительную прохладу среди жаркого лета в этом месте вечного покоя. В настоящее время внутри очень длинного и высокого забора взор ваш приятно поражается видом целого обширного поселка, устроенная новая колокольня, богадельные и иные палаты, прекрасная новая больница и новый приют для душевнобольных, училища, контора, много частных домов и келий, скотный двор, водокачка, бани, пожарные трубы и т.п. Везде виден внешний порядок. На незанятых и незастроенных пространствах кладбища ласкают взор зеленеющие луга, есть и огороды. Проточный пруд (60 саж. длины, 15 саж. ширины), пополняемый родниковой, чистой и прозрачной водой, в котором воспрещается купанье и мытье платья. На пруде, на особом помосте, устроена деревянная часовенка, в виде балдахина, называемая "Иордань". До пятидесятых годов на эту "Иордань" ко дню праздника Богоявления, несмотря на даль и морозы, не только собирались все московские старообрядцы, но обыкновенно тянулись целыми обозами старообрядцы и из провинции, особенно из Гуслиц, за "большой во-

дой". Со времени насильственного обращения одной из Рогожских часовен в единоверческий храм во времена николаевщины, выходы старообрядцев на освящение воды прекратились, и только провозглашение свободы вероисповедания дало возможность старообрядцам снова воспользоваться этой осиротевшей было "Иорданью".

В настоящее время Рогожское кладбище находится во владении и управлении "Старообрядческой общины Рогожского кладбища" и представляет единственное во всем старообрядчестве, приемлющем священство, учреждение по своей обширности и богатству.

Как создалось это кладбище, и как оно постепенно дошло до современного своего положения, я и хочу рассказать.

Рогожское кладбище имеет свою богатую любопытными подробностями историю, для составления которой и в петербургских, и в московских архивах, да и в самом Рогожском, материалов более, чем достаточно.

Эти материалы ждут своего исследователя для составления подробной истории кладбища. Не вдаваясь в эти подробности, я ограничусь сравнительно кратким очерком истории Рогожского кладбища.

Московское старообрядчество очень многочисленно. Еще в 1845 году всех старообрядцев в Москве

и губернии *официально* числилось 73.484 человека обоего пола. Но чтобы определить действительное количество старообрядцев, вскоре после того министерство внутренних дел произвело частное исследование, не полагаясь на показания официальной статистики.

И оказалось старообрядцев уже 186.000 человек[1], из которых приемлющих священство 120.000 человек, причем половина этого количества в Москве, половина в губернии.

О многочисленности и силе московского старообрядчества, приемлющего священство, можно заключить и из числа храмов и моленных, которых в Москве насчитывается около тридцати.

Московское старообрядчество издавна отличалось и своим богатством, вследствие принадлежности к нему большого количества купцов и фабрикантов. Из именного списка главнейших прихожан Рогожского кладбища, относящегося к 1838 году, видно, что из них купеческих семейств было 138, не считая потомственных граждан, коммерции и мануфактур-советников и т.п. В среде московских торговцев и промышленников мы до сих пор видим много старообрядцев, владеющих огромными капиталами: известные на всю Россию первоклассные фабрики, заводы и т.п. московского промышленного района созданы

(1) "Статистические таблицы Российской Империи", изд. Центр. Статистическим Комитетом. СПБ, 1863 г., стр. 235.

старообрядцами. Это и естественно. Патриархальная, здоровая и сильная старообрядческая семья до 2-й половины XIX столетия жила во всем согласно своим предкам, по “Домострою”. Отсюда старообрядческая домовитость, бережливость, расчетливость, осторожность в делах, трудолюбие, трезвость и враждебность к моде и роскоши. А если вы припомните, что старообрядцы все время подвергались гонениям и стеснениям за веру, при которых и богатый и бедняк подвергались одинаковому унижению личности и человеческого достоинства, то поймете, почему в старообрядчестве прежнего времени развиты были более, чем где-либо, взаимная сплоченность, помощь и поддержка. Примите, далее, во внимание прежнюю замкнутость старообрядцев, чуждавшихся людей иной веры, и тем сильнее покровительствовавших своим одноверцам, братьям по несчастью. Учтите, наконец, общие экономические условия конца XVIII и всего XIX столетия, когда беспечное и праздное “благородное сословие” все более и более теряло под собою почву, проживалось, и центр тяжести постепенно, но верно передвигался в сторону промышленного капитала, и вы многое поймете в процессе накопления богатств в руках старообрядцев. Таким образом, уже в начале XIX столетия многие московские старообрядцы владели миллионными состояниями. Но старообрядцы умели не только накапливать капиталы, а что еще важнее — сохранять их нерастраченными в своих родах, что мы можем наблюдать и до сих пор в среде мос-

ковского старообрядческого купечества. Старообрядцы еще в конце XVIII, а главным образом в течение первой половины XIX столетия завели много фабрик и заводов, в самой Москве и в губернии, а особенно в Богородском уезде, в так называемых Гуслицах, почти сплошь населенных старообрядцами. Окрестные крестьяне становились рабочими на фабриках, конторщиками, приказчиками и т.д., другие работали на дому для фабрикантов. Ткацкий станок стал принадлежностью чуть не каждого дома, и землепашцы превратились в мелких промышленников. Быстрым темпом шло развитие московской промышленности, особенно хлопчатобумажной, богатели и старообрядцы не по дням, а по часам. И мы видим в Москве некоторых из таких старообрядцев, представителей денежного капитала, деды которых были крепостными крестьянами.

А в то же время потомки родовитой дворянской знати старой Москвы прожигали дедовское добро и, легкомысленно презирая родную старину, спускали за бесценок родовые памятники семейной жизни предков, чтобы вырученные деньги прокутить или свезти за границу. Платы боярских внуков и правнуков иногда превращались в жилища купцов-старообрядцев или в их промышленные и торговые заведения. Наконец, ближайшие подмосковные села некоторых бояр и вельмож XVIII столетия, вроде Кунцева и др., стали переходить в руки старообрядцев. Но с особенной охотой старообрядцы скупали у промотав-

шихся "недорослей" старинные книги и рукописи, старинную домашнюю утварь, а более всего древние родовые иконы, когда-то стоявшие в "крестовых" царских приближенных, а затем, как ненужный хлам, сваленные в кладовые невежественными барами, со времен Петра I нахватавшимися верхушек западноевропейской "цивилизации", в виде кое-какой ненужной мишуры и внешнего блеска, без внутреннего содержания.

Я, конечно, далек от того, чтобы курить фимиамом пред капиталистами, хотя бы и старообрядцами. Капитал везде и всегда имеет и свои большие теневые стороны. Но сохранением драгоценных старых книг, рукописей и икон, вообще памятников старорусского искусства, мы обязаны почти всецело им. Скупая древние святыни и сохраняя их, как зеницу ока, как бесценное наследие старины, пред которою старообрядцы благоговеют, они оказали неоценимую услугу русской истории и археологии. Без них почти все погибло бы бесследно и безвозвратно.

Старообрядческое московское общество богатело и росло потому еще, что и многих провинциальных старообрядцев, особенно торговцев и промышленников, всегда тянуло к Москве: этому способствовали и характер их занятий, и слава первопрестольного "царствующего града", где жили почитаемые старообрядчеством святители, от Петра митрополита до патриарха Иосифа, и где сохранилась такая масса за-

ветных памятников русской старины. Ни застенки и дыбы Преображенского приказа, ни "Раскольническая Канцелярия", просуществовавшая в Москве до 1763 года, ни штрафные деньги на заставах за бороду, ни особая "указанная" одежда с желтым козырем — не могли удержать старообрядцев, исконных русских людей, верных историческим преданиям своей отчизны, от стремления к "московскому житию".

Все это я говорил к тому, чтобы показать, при каких условиях и на какой почве могло создаться и развиваться такое большое и богатое старообрядческое учреждение, как Рогожское кладбище, накопившее и сохранившее для потомства такую массу драгоценных памятников церковной старины и искусства. Когда обозреваешь учреждения и святыни Рогожского кладбища, невольно преклоняешься пред той энергией, трудом, любовью к старине и усердием к месту упокоения своих близких, которые проявлены нашими предками — создателями кладбища.

Еще в первой половине XVIII столетия московские старообрядцы, приемлющие священство, имели общественные моленные, устроенные в домах богатых людей, а также два особые кладбища: одно около Донского монастыря, другое за Тверскими воротами. На это указывает надпись на памятнике, поставленном на Рогожском кладбище, на так называемой "моровой могиле", в которой хоронили чумных. Эта надпись гласит: «Место это отведено для погребения

усопших староверов в лето от сотворения мира 7279, вместо таковых, до сего бывших двух кладбищ, одного у Донского монастыря, а другого за Тверскими воротами». При каждом кладбище находились часовни и жилые помещения для священников, принимаемых от господствующей церкви, а также уставщиков и дьячков. Но во время чумы 1771 года старообрядцам, приемлющим священство, была отведена за Рогожской заставой часть земли, принадлежавшей деревне Новоандроновке, населенной старообрядцами. Здесь и было устроено знаменитое впоследствии Рогожское кладбище.

На одном могильном памятнике Рогожского кладбища сохранилась надпись о погребении *первого* чумного (Матвей Вас. Сумин) 11 сентября 1771 года. Это показывает, что Рогожское кладбище открылось раньше Преображенского (беспоповского), так как приказ правительствующего сената об отводе последнего дан лишь 15 сентября 1771 года[1].

О правах старообрядцев на занимаемую Рогожским кладбищем землю в 1835 году производилось дело, находящееся в архиве московского генерал-губернатора (3 декабря 1835 г., № 68-34). Попечители кладбища на запрос о документах отвечали: «Во время моровой комиссии (1771 г.), по распоряжению правительства, для устроения их старообрядческого

---

(1) "Сборник из истории старообрядчества", Н.Попова, 1-78.

кладбища отведено было место за Рогожской заставой; документ же этот во время нашествия неприятеля в 1812 году утрачен, а журнал оного, полагать надобно, должен находиться при делах оной комиссии». Попечители при этом представили два рескрипта императора Александра I, один начальнику московской столицы графу Салтыкову, другой Вятскому губернатору, тайному советнику Руничу, по представлению которого даны оба рескрипта. Вот что гласят эти важные документы:

1) Граф Иван Петрович! Узнав, что прихожанам новоустроенной церкви во имя Введения Пресвятой Богородицы, что за Салтыковым мостом [1], отведено кладбище близ старообрядческого Рогожского против воли старообрядцев и с отнятием у казенных крестьян деревни Новоандроновки хлебопашенной их земли, я нахожу нужным приметить, что земский суд, учинивший сей отвод, неправильно поступил, не снесясь в оном с духовным правительством, по распоряжению коего прихожанам Введенской церкви предоставлено было уже иметь погребение мертвых в Покровском монастыре или на мирском кладбище. Посему и поручаю вам, сходственно мнению преосвященного митрополита Платона, основанному на взаимных отношениях старообрядцев к сим введенским старообрядцам и на устроении церковной тишины и спокойствия, землю, им отведенную от деревни

(1) Троицко-Введенская единоверческая церковь. *Авт.*

Новоандроновки, возвратить в прежнее ее владение, а прихожанам сим объявить, чтоб они следовали решению, данному на их прошение от митрополита. Впрочем, пребываю к вам благосклонный. *Александр.* В С.-Петербурге, апреля 17-го дня 1802 года. Сию копию засвидетельствовал тайный советник, вятский гражданский губернатор Павел Рунич.

2) Господин тайный советник Рунич! Вняв представлению вашему о кладбище, отведенном в смежности с староверческим Рогожским кладбищем, каков дан мною указ московскому военному губернатору, генерал-фельдмаршалу графу Салтыкову, с оного для сведения вашего прилагаю при сем список, пребывая впрочем к вам благосклонный. *Александр.* С.-Петербург, апреля 17-го дня 1802 года.

Рогожское кладбище находится подле Рязанского шоссе; благополучно оставшись нетронутым между очень близко идущих по сторонам его железных дорог, оно заключено как бы в ограде рельсов. Оно занимает площадь земли пространством около 22 десятин и обнесено высоким деревянным забором с двумя воротами: одни обращены к городу, другие к Рязанскому шоссе. В этой ограде построен целый городок, население которого в былое время превышало население некоторых уездных городов. В 1823 году жителей кладбища числилось 990 человек, а в 1845 году число жителей достигло уже 1588 человек. Но сюда вошли лишь так называемые "лицевые", т.е. показы-

ваемые в ежегодных ведомостях, подаваемых кладбищенской конторой московской полиции. Кроме "лицевых", немало бывало и "не лицевых", т.е. таких, о которых по причине стеснений неудобно было доносить полиции: стекавшихся из разных мест России иноков и инокинь, священников и т.п.*, а также приезжих за совершением треб или друзей и родственников постоянных жителей кладбища.

При учреждении Рогожского кладбища в 1771 году была выстроена небольших размеров деревянная часовня во имя св. Николы. Через пять лет выстроена более обширная каменная часовня. Но в 1791 году вместо нее начата была постройка огромной "холодной" часовни Покрова Пресвятой Богородицы, едва ли не самая обширная из всех московских церквей, за исключением разве таких, как храм Христа Спасителя. Дело о постройке этой часовни настолько любопытно, что на нем необходимо остановиться несколько подробнее.

Когда с разрешения тогдашнего московского главнокомандующего кн. А.Прозоровского начали строить эту часовню, то из Петербурга гр. А.И.Мусин-Пушкин писал кн. Прозоровскому от 23 сентября 1792 г., что «здесь (т.е. в Петербурге) находящиеся раскольники подали прошение о дозволении им построить себе каменную часовню по примеру, как строится у вас в Москве. Я слышал, что о сем к вам

писано, и спрашивается: какое дано им дозволение, от кого и когда?»

Дело в том, что по поводу прошения петербургских старообрядцев составил записку митрополит Новгородский и Петербургский Гавриил, в которой по исконному обычаю духовных правителей господствующей церкви оклеветал старообрядцев и требовал не только не разрешать постройку часовни в Петербурге, но уничтожить и начатую постройку в Москве.

Вот этот крайне любопытный документ:

«Записка Гавриила Митрополита Новгородского и Петербургского по поводу прошения раскольников построить церковь, иметь своих священников и архиепископа и пр.

Старообрядцы петербургские подали мне прошение, чтоб им быть в числе сынов православной грекороссийской церкви и от меня получать священников равно, как в Екатеринославской епархии; притом приобщили с прошения копию от старообрядцев Московских, поданного главнокомандующему в Москве. В ней написано:

1) что они имеют деревянный при кладбище молитвенный храм;

2) что от дней Никона патриарха терпят они духовных властей гонения;

3) чтоб дозволено строить им церкви для служения литургии по старопечатным книгам, как и в Екатеринославской епархии, умалчивая, что сие дозволение отнесено к епархиальному архиерею и что они имеют порок, что беглые попы у них служат;

и просят:

1) чтоб им построить церковь;

2) иметь священников приходящих к ним;

3) чтоб быть у них архиепископу, приходящему самопроизвольно, на таком положении, как они пребывают;

4) чтоб он не был под ведомством духовных властей, отделясь от них, как в городовом положении в статьях 124, 125 и 126 об иностранных предписано;

5) чтоб им в чиноположении их быть ведомым по духовным делам в их консисториях, не сообщаясь великороссийским духовным властям.

Сия просьба довольно изъясняет намерение их — стараются начать свою церковь, отделяя от господствующей в России, и иметь своего архиепископа и консистории.

Начали строить церковь, превышающую пространством и огромностью Успенский собор: он длиною 17, шириною 12, а их церковь длиною 25, шириною 15 саженей, — чтобы огромностью сего храма унижать первую в России церковь в мыслях простого на-

рода, а особливо в преклонных к расколу усилит к ним уважение.

В Москве приверженных к расколу больше 20.000; многие епархии, особливо Нижегородская, до того доходят, что церкви лишаются своих приходов. Ежели из губерний соберутся чиноначальники их в такой пространной церкви, в которой до 3000 народа может вместиться, когда они предполагают быть у них архиепископу и консистории, когда сия толпа фанатиков сделает соборы, каковые уже и были, и положения свои возвестят в губерниях, из которых они придут в Москву — сии, не имеющие привязанности к правительству, могут ли обнадежить безопасностью столицы?

Они просят, чтоб их почитать так удаленными от господствующей церкви, как удалены католики и лютеране: можно ль надеяться, чтоб их фанатизм, распространяющийся по всей России, почитал Государя правоверным?

Великий Петр, монарх проницательнейший, нарек их лютыми неприятелями, государству и государю непрестанно зломыслящими.

Внимая сим обстоятельствам, думаю:

1) чтоб начатую ими церковь обратить на другие, предписанные законом монархини для призрения бедных или для пользы общественной установления;

2) дозволить им построить часовню, какая для погребения усопших на кладбище потребна, без колокольни.

(Сия записка прислана от преосвященного митрополита Новгородского и Санктпетербургского ноября 9 дня 1792 г.)»[1].

Эта "записка", разумеется, не могла не повлечь за собою соответственных "результатов", и, как мы видели выше из письма гр. А.И.Мусина-Пушкина кн. Прозоровскому, последнему прислан был Высочайший запрос-указ, какое дано староверам на постройку церкви дозволение, от кого и когда?

Запрос, как можно судить по тону и содержанию объяснений кн. Прозоровского Екатерине II, носил характер сурового выговора.

Донесение московского главнокомандующего кн. А.Прозоровского Екатерине II с объяснениями по вопросу о построении старообрядцами церкви на Рогожском кладбище настолько важно и интересно, что его необходимо привести полностью.

Вот этот документ:

«Всемилостивейшая государыня! Высочайший Вашего Императорского Величества указ от 17 сентября я получить удостоился, которым повелеваете

(1) М.Г.А.И.Д. Дела о раскольниках, № 27.

мне, всемилостивейшая государыня, донести Вашему Величеству о строящейся здесь часовне старообрядцев.

Здесь, Всемилостивейшая государыня, две часовни. Одна в Преображенском называемой беспоповщины, которая в самом камер-коллежском валу близ Преображенской заставы, для которой вал сей заровнен, а окружена новым, чтоб более дать места погосту; сия часовня каменная, представляет наружность церкви, около оной довольно каменного жилого строения, в котором они содержат богадельню более 1000 человек. А вне камер-коллежского вала в некотором расстоянии их кладбище и там часовня вторая, о которой Ваше Императорское Величество спрашивать изволите, старообрядцев на принадлежащей Андроновской слободе земле, низменной и не весьма к хлебопашеству способной, между больших дорог владимирской и коломенской, от заставы камер-коллежского вала в трех верстах, где тож довольно деревянного жилого строения и богадельня, где бедные из единоверцев их помещаются, и тут же сад и кладбище их. Я по вступлении в нынешнюю мою должность был на обеих оных кладбищах, у старообрядцев по их просьбе осмотреть одной часовни ветхость, а другой — неспособность. Я оные подлинно нашел, что деревянная ветха, а в каменной от сырости ль, или от худого построения даже что с стен течет и такой тяжелый воздух, что в оной и часу пробыть, казалось мне, без вреда не можно. И сии часовни имеют наружность

церквей одноглавых. Они просили меня вместо сих, ветхой деревянной и сырой каменной, позволить им построить одну каменную новую часовню, внизу б была теплая, а в верху холодная.

Итак, найдя оные часовни с немалым строением существующие и моленье производится публичное, то и заключил я, что сие Вашему Императорскому Величеству известно и заведены оные начально с высочайшего дозволения. А как Вашего Императорского Величества всемилостивейшим манифестом 762 года повелено раскольникам никакого притеснения не делать, а затем и от 10-го апреля 790 г. полученный мною от Вашего Величества указ по материи потаенных и нелепых сборищ братства, исключая сии собрания, запрещается полиции в оные входить и делать препятствие в молитвенных собраниях, а все сие сообразя, — считал я возможным мне позволить вместо ветхой и другой неспособной построить им новую часовню, зная ж, что план вновь желаемой ими построить сочинял архитектор Козаков чрез посредство именитого гражданина Никиты Павлова; но виноват я, Всемилостивейшая государыня, что оного не посмотрел, надеясь несумненно, что архитектор Козаков сочинит оный пристойно с их положением. Они часовню сию заложили в 791 г. Как я уведомлен был от губернатора, что они заложили ее велику и с выпусками для алтаря и намерены поставить пять глав, я взял у них план и нашел, что они заложили не по плану архитектора Козакова, а сняли сами план с

церкви, что в Бутырской слободе. Я приказал как им, так и полицейскому архитектору Карину выпуски для алтаря отломать, величины убавить и сделать план с одной главой и крестом; но о неубавке оной величины они усильно меня просили, поставляя основанием, что имеют они в Москве и около оной единоверцев до 20.000 душ. Я план оный с фасадой у сего всеподданнейше Вашему Императорскому Величеству подношу; плана же архитектора Козакова я отыскать не мог по причине смерти Никиты Павлова, у коего оный был, но внук его не нашел и Козаков черного у себя не оставил. Они же сим летом довели часовню до карниза и представляет теперь вид дома. Если Ваше Величество повелите унизить шпиц, то я оной совсем прикажу убавить.

Ныне, получа высочайший Вашего Императорского Величества указ, за долг почел для всеподданнейшего Вашему Величеству донесения выправиться с законами о построении часовен, как я прежде не остерегся о сем выправиться. И, начиная с древних законов, получил сведение, что 1718 году, когда по указу государя Петра Первого была перепись раскольникам, отведено им за Серпуховскими воротами одно кладбище, не различая разных между ими вер, беспоповщины и старообрядцев; а в 771 г., когда Покровской церкви, что в Красном Селе, священники жаловались, что раскольники умирающих моровою язвой, привозя к церкви, оставляют, то по указу Правительствующего Сената приказано им погребать

своих мертвецов на отведенных в поле кладбищах, а буде там места для них недостаточно, то отвести им пристойное место в поле Московской губернской канцелярии. В сие то время и отведены им места для кладбищ, где ныне и вышеупомянутые часовни. Я читал учреждение охранительной комиссии, и в расписании о всех вообще кладбищах видны по приурочке и оные кладбища; но тогда при назначении кладбищ не различено вер. Но о часовнях я ничего не нашел, кроме, что в 722 г. повелено все часовни, не говоря раскольничьи, но вообще, упразднить; а в 727 году повелено — которые до того времени не разобраны, те оставить, а и прочие, о коих будут просьбы, строить позволять, рассматривая архиереям, чтобы не было правильного препятствия и раскольникам способу. Наконец, в 734 г. именным указом императрицы Анны Иоанновны запрещено впредь часовни строить, а старые, где имеются, те оставить в прежнем состоянии. Но и в сем указе о раскольниках ничего не упоминается, что меня понудило, всемилостивейшая государыня, переговорить о сем с Петром Дмитриевичем Еропкиным, как он главный член был охранительной комиссии, сказав ему, что имею я от Вашего Величества высочайшее повеление без огласки о сем сведать: то он мне сказал, как и по делам видно, Покровской церкви священники, а он сказал, что и многие просили о том же священники сел, близ Москвы лежащих, что раскольники умерших язвой привозили к церквам и там их оставляли, для чего-де и опре-

делено было к главным или управляющим раскольниками разных сект над сим смотрение и даны им были доктора. И хотя-де время прошло давнее, но помнится ему, что князь Григорий Григорьевич Орлов позволил им сделать часовни, где б они могли отпевать умерших; и он сказал, что я о сем могу и Вашему Императорскому Величеству донести. Да еще видно по делам в губернском правлении, что когда беспоповщина поставила главу и крест на часовне, то во время главнокомандования графа Чернышева нынешний московский митрополит требовал от губернского правления: для чего оное быть могло? То правление, ссылаясь на всемилостивейший Вашего Императорского Величества вышеупомянутый 762 г. манифест, отозвалось, что в отмену оного войтить не может. Сих сведений собирание умедлило всеподданнейшее мое о сем донесение Вашему Императорскому Величеству.

Что я, не справясь с законами, а сделав только заключение на видимом, дал на то позволение, то заключение мое, что решить сие могу, наипаче подкрепил высочайший Вашего Императорского Величества указ, о котором я выше упомянул, чтоб старообрядцам не наносить никакого препятствия в их молитвенных собраниях, как непозволение строить часовню считал я будет в их молитвах препятствие, признаю однакоже себя, Всемилостивейшая государыня, виновным, что не доложась Вашему Величеству оное позволил. Итак, пав пред стопы Вашего Импе-

раторского Величества всеподданнейше просить милосердного прощения,

Всемилостивейшая государыня,
Вашего Императорского Величества

всеподданнейший князь А.Прозоровский

Октября 25 дня, 1792 г. Москва»[1].

Этот интересный документ многое нам объясняет в архитектуре летнего Покровского храма на Рогожском кладбище.

В самом деле, при первом же взгляде на этот храм каждому резко бросается в глаза большое несоответствие частей храма, и думается: неужели, если были средства и возможность построить такой громадный храм, нельзя было выбрать план более стильный и красивый? Гладкий и простой фасад, глава, словно придавленная и подходящая скорее для храма в пять раз меньшего, чем тот, над которым она высится, и т.п.

А между тем, донесением кн. Прозоровского все объясняется просто: перепуганный главнокомандующий приказал "выпуски для алтаря отломать", вместо "пяти глав" "сделать план с одной главой и крестом", "унизить" и "убавить" шпиц, и получились те

---

(1) М.Г.А.М.И.Д. Дела о раскольниках, № 26. Кн. Е.В.Барсова. Новые материалы для истории старообрядства XVII-XVIII веков, Москва, 1890 г.

недостатки в архитектуре храма, которые так сильно бьют в глаза.

Менее тормозов претерпела постройка третьей зимней часовни, ныне храм Рождества Христова. Этот обширный каменный храм, построенный по плану архитектора Жукова, находится в небольшом расстоянии на юг от летнего Покровского храма. Построен он в 1804 году с разрешения начальника московской столицы Беклешова. Билет, выданный московской управой благочиния попечителю Рогожского кладбища купцу Илье Фокину Шевякову (21 декабря 1804 г., № 1070) на постройку каменной зимней часовни, длиною на 22 сажени, а шириной 11 сажен, и жилого строения под богадельню, на 22 сажени длиною и 10 аршин шириною, — находится в "деле о правах Рогожского старообрядческого богаделенного дома приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество и о духовном завещании Вощанкина", в архиве московского генерал-губернатора (3 декабря 1843 г., № 45).

Внутри Рождественского храма на одной из стен сохранилась надпись о том, что в 1812 году, при опустошении столицы французами, по особому Божию к месту сему покровительству, рогожские часовни не пострадали и ничего не потеряли из своих запасов и сокровищ.

В Рождественской часовне собирались многие старообрядческие "соборы", в которых участвовали и

московские старообрядцы и представители старообрядцев других мест России, и на которых решались вопросы, касающиеся всего старообрядчества.

Все часовни, а особенно Покровская летняя, украшались тщательно и усердно в продолжение десятков лет. И едва ли найдется в России много храмов, которые могли бы сравняться с Рогожскими по богатству и великолепию украшений; думается, нигде не собрано столько бесценных сокровищ: древние иконы превосходных писем — новгородские, даже кисти самого знаменитого Андрея Рублева, греческие, строгоновские и др., в богатых серебряных вызолоченных ризах, с драгоценными камнями, жемчугом и т.п.; великолепные золоченые иконостасы, массивные паникадила и подсвечники с пудовыми свечами, ценные плащаницы и богатая утварь, — все говорит о всегдашней привязанности, усердии и любви прихожан к кладбищу.

С самого начала рогожские храмы были устроены с алтарями и подобием престолов, но литургия в храмах не совершалась из боязни притеснений, хотя еще в 1789 г. московские старообрядцы добыли на Иргизе походную полотняную "церковь" с антиминсом древнего освящения. Лишь изредка на этом антиминсе литургию решались совершать тайно, с большими предосторожностям, главным образом для освящения запасных даров. В храмах служились вечерни, утрени, всенощные, часы, а также совершались вен-

чания свадеб, крещение, исповедь, причащение, отпевание усопших, панихиды, молебны и проч.

Венчаний прежде совершалось на кладбище необычайно много, так как при тогдашней "скудости священства" на Рогожское кладбище приезжали венчаться не только со всей Москвы и губернии, но и из других губерний, даже с окраин России. Когда священников на кладбище было много, свадьбы венчали одну за другой, а когда осталось только два священника, по необходимости приходилось венчать каждому по несколько пар брачующихся, иногда сразу до 15 пар, "гуськом", как говорилось. Для этого устроено было двадцать пар одинаковых бронзовых венцов, хранившихся в Рождественской часовне [1].

Для венчания богатых свадеб были венцы серебряные, вызолоченные, с брильянтами, жемчугом, драгоценными камнями. На рогожском "соборе" 16 февраля 1823 г. относительно венчания свадеб, между прочим, было постановлено: "Браков на все вселенские субботы не венчать". В другом "постановлении о церковном благочинии" говорится: "Чин второго брака неупустительно стараться исполнять"[2].

(1) "Опись вещей на Рогожском кладбище", составленная в 1854 г. в "Деле департамента общих дел министерства внутренних дел", 1854 г., № 79.

(2) А.М.В.Д. "Дело департ. общ. дел", 7 мая 1853 г., № 519.

Исповедь священниками своих духовных детей производилась обыкновенно в часовнях, а иногда и у себя на дому. Для записей исповедников заведены были в конторе особые книги. О количестве говевших в то время можно судить по такой книге за 1841 год. Из четырех священников, у старшего — Иоанна Матвеевича Ястребова значится исповедников обоего пола 922 человека, у Александра Ивановича Арсеньева 1440, у Петра Ермиловича Русанова 331, у Иоанна Максимова 335, а всего 3028 человек. Но нужно принять во внимание то обстоятельство, что огромное большинство прихожан не записывалось в эти "метрические" книги, по исконной боязни и подозрению старообрядцев ко всякой "записке", как делу греховному, установленному не церковью, а гражданской властью. Что это так, видно из сличения названной исповедной книги с именным списком жителей кладбища, из которых лишь несколько десятков записаны бывшими на исповеди.

Причащали запасными дарами после часов, в часовнях. Обыкновенно четверо священников с потирами в руках выходили из алтаря в фелонях и становились двое по клиросам и двое у северных и южных дверей алтаря, и причащали каждый своих духовных детей.

Крещение младенцев производилось обязательно в часовнях. О числе крещений можно судить из того, что в Рождественской часовне находилось 46 купелей.

Покойников отпевали обыкновенно в Никольской часовне. В ней же исполнялись и “заочные” погребения.

Сначала вследствие “скудости священства”, а потом и совершенного его прекращения в провинции, старообрядцы стали хоронить покойников, отпев над гробом только панихиду, а потом уже по почте или с кем-либо лично посылали на Рогожское кладбище деньги с просьбою тому или другому священнику отпеть “заочное” погребение.

В большие праздники, в царские дни и “викторные” (дни воспоминания побед) обязательно служились “молебны соборные”, т.е. всеми без исключения священниками и клиром кладбища, зимою в Рождественской, а летом в Покровской часовне[1].

Крестные ходы 6 января, на Преполовение Пасхи и 1 августа на “Иордань”, а также вокруг часовен в заутреню Страстной субботы и Пасхи и в некоторых других случаях совершались необычайно торжественно, — конечно, пока был большой запас священников, т.е. до суровых времен казарменного режима Николая I. Путь устилаем был зеленым сукном и коврами. Впереди шли с хоругвями избранные носильщики, все в кафтанах старого покроя, за ними

(1) Ibid

следовали такие же избранные прихожане с иконами, потом священники в дорогих ризах, и все это чинно, в строгом порядке. Зрелище, до глубины души умилявшее истого старообрядца![1]

Но при всем этом долг беспристрастия и исторической правды требует отметить, что на Рогожском кладбище бывали и "разные упущения и беспорядки, несообразные с правилами свв. отец", вызывавшие сильный ропот и неудовольствие прихожан, и что "мзда заслепляла тамошних священников", принимавшихся от господствующей церкви, не всегда искренних, честных и благочестивых, чаще же с детства, с бурсацкой скамьи испорченных до мозга костей.

Чтобы не показаться голословным, привожу здесь несколько статей "Постановления о благочинии церковном" Рогожского "собора" 1823 года, которое было повешено в Рождественской часовне за подписью священников, дьяконов и попечителей: Павла Дунякова, Лариона Абрамова, Ивана Окорокова, Трифона Лубкова, Давыда Щекина, Федора Бокова, Николая Царского, причем о. Петр Ермилович Русанов к своей подписи добавил такие слова: "Обязуюсь исполнить по вышеписанному".

(1) "Записки В.А.Сапелкина", "Рус. Вестник", 1864 г., № 111, стр. 190-191.

Вот что гласят некоторые статьи этого документа, ныне находящегося в архиве министерства внутренних дел[1].

«Статья 2. Священники и служащие при них ни под каким видом не дерзали бы на паперти и в молитвенном храме требы перехватывать и тем нарушать благочиние церковное. Имеющий нужду сам может о том просить, когда должно.

Статья 3. Из соборных панихид, погребений, молебнов и треб, не окончивши одно, за другие не переходить, кроме смертного случая, так и дьяконам к священникам без нужного случая во время служения подходить и от одного к другому, не окончивши требу, не переходить.

Статья 5. Священники, без нужного случая, а паче в священных ризах, от службы Божией и требы, какой ни есть, не выходили бы вне молитвенного храма.

Статья 6. Священникам молебны более шести канонов не начинать, ибо сие невместимо, а более по усердию просителей оставлять на другой раз, дабы молитва могла быть со вниманием, а не дерзостью.

Статья 7. Две требы вдруг не править...

(1) "Дело департам. общ. дел", 7 мая 1853 г., № 519.

Статья 9. Священникам особенно иметь во внимании, дабы требующие их по бедности и по неимению дерзновения к ним не презримы были, но наипаче сильных и богатых покровительствуемы, по словеси Спасителя мира: "Не презрите единого от малых сих, ибо ангели их выну видят лице Отца Моего, иже есть на небесех..."

Если же кто, забыв страх Божий и свое священноначальническое звание, вышеописанное оставит в неисполнении или пренебрежении, такового 10 статьею наказывать судом духовным».

На воздухе, без причины, таких постановлений, конечно, не делают.

О том, что иногда творилось на Рогожском кладбище до водворения на нем белокриницкого священства, любопытные сведения дают "Келейные советы, письменно предложенные господину епископу Онуфрию от Семена Семенова и Ивана Захарова", известных начетчиков того времени и знатоков устава и обычаев, причем первый был дьяк "духовного совета", второй — письмоводитель Антония архиепископа Владимирского, оба люди влиятельные на Рогожском кладбище. Эти "келейные советы" поданы были в 1861 г. по следующему случаю: конец 50-х и 60-ые годы XIX столетия были временем больших смут среди московских старообрядцев-поповцев, почти поголовно принявших белокриницкое священство, во главе с Рогожским кладбищем. Смуты эти произо-

шли из-за борьбы некоторых епископов за московскую кафедру и по некоторым другим причинам. 25 августа 1861 года московским собором был избран в архиепископы на Москву Афанасий епископ Саратовский, бывший эконом Верхне-Преображенского монастыря на Иргизе, возведенный еп. Софронием в архимандриты, а в 1855 году рукоположенный в епископы на Саратов архиепископом Антонием Владимирским. Но еп. Афанасий подал собору заявление о том, что он только тогда согласен занять московский престол, если будет искоренено брадобритие, и уставы и чиноположения будут исполняемы так же, как исполнялись они на Ветке, в иргизских монастырях и на Рогожском кладбище[1]. Епископы составили тогда "Соборное рассуждение о местных и обычаях" 30 сентября 1861 года. Условия еп. Афанасия московским старообрядцам не понравились и приняты, очевидно, не были. Неурядица продолжалась. Наконец прибыли 9 декабря 1861 года послы на собор от митрополита Кирилла, посланные из Белой Криницы положить конец этому делу: наместник митрополита еп. Онуфрий (скоро потом ушедший в "единоверие"), священноинок Евфросин и инок Алимпий. Им-то и поданы были вышеназванные "келейные советы".

Вот что гласит, между прочим, этот интересный документ:

---

(1) Напечатано в "Чтен. в Императ. Москов. Общ. Ист. и Древностей Росс.", 1865 г., кн. 3, стр. 239-243.

«Совет 5-й. Богопротивное исповедание епископа Афанасия, значущееся в его прошении, никак не принимать. Он написал, что было на кладбище до архиепископа Антония, все то свято, что и подтвердил словами: “тако верую и исповедую”. Но на кладбище до архиепископа Антония было вот что: а) Все кладбищенские попы правительству были обязаны подпискою от ереси приходящих[1] не принимать. б) Нашим православным христианам, не принадлежащим по жительству к Московской губернии, никаких треб не исправлять. в) За крещение младенцев установлена была такса, 1 руб. 25 коп. сер. за крещение, для чего в конторе содержали нарочного писаря, который и собирал за крестины деньги. г) Так же и епископ Сафроний[2], в бытность его на кладбище с епископом Афанасием, бывшим того архимандритом и экономом, уставили таксу: с московских попов половину, а с деревенских третью часть дохода брать епископу, а который поп хотя мало что утаил, таковою подвергали части Анании и Сапфиры. Именно в таком роде была написана бумага, и все попы были вынуждены к ней подписаться. Это есть сущая симония. д) В крещении младенцев постригали в 12 лиц, еже есть в четыре Троицы, что прямо противно не только изложенному

(1) Т.е. “православных”. *Авт.*

(2) Первый старообрядческий епископ, поставленный белокриницким митрополитом для России с наименованием Симбирского, 4 января 1849 г., потом за симонию запрещенный и изверженный и водействовавший раздору из-за “окружного послания” 1862 г. *Авт.*

о сем предмете преданию в “Потребниках”, но против и 49 правила святых апостол, о чем зри в “Стоглаве”, глава 17. А в древнеписьменных “Кормчих” и в “Послании Фотия митрополита в Псков” такое приглашение названо многобожием. е) В причастие святых таин теплоты никогда не вливали, но всегда причащали с холодною водою, такожде и сие противно святых отец преданию. ж) Во всех древних “Уставах”, в “Служебных Минеях” и “Октоях”, в “Служебниках” на возгласе: “Слава святей” положено кадить, а на кладбище вместо каждения благословляли рукой. То же делали на “Свете тихий”, что прямо противно всем древнепечатным книгам и уставам. з) Браки венчали вдруг по пятнадцати. Одну свадьбу, которая позначительнее, около аналоя ведет поп, а прочие все за ним сами идут. Такожде и сие не только не согласно, но противно церковному преданию. и) Кладбищенские попы в последнее время еще ввели было лютеранскую исповедь, а именно по 200, а иногда и по 300 человек исповедывали вместе и, прочитав только одни молитвы и поновление без исповеди, причащали всех без разбору. Итак, спрашивается, можно ли все это почитать святым и богоугодным и, как написал в прошении своем епископ Афанасий, тако веровать и исповедывать? Да не будет нам сего никогда же на ум прияти».

Приведенные документы показывают, что действительно на кладбище, в период его расцвета после отчественной войны 1812 года, появились беспорядки, и “добрые старые обычаи поисшатались”. То же са-

мое можно сказать и про другие тогдашние центры старообрядчества: Иргизские монастыри, Керженские скиты и др. И вот интересно, что во всех сказаниях, духовных стихах и воспоминаниях старожилов все несчастия и злоключения, в частности гонения на старую веру при Николае I: отобрание иргизских и разорение керженских обителей, уничтожение прежнего священства, а потом и запечатание алтарей в храмах Рогожского кладбища — объясняют именно наказанием Божиим за грехи, за упадок добрых нравов, благочестия и веры, за зло и неправды.

Для совершения богослужения и исполнения треб на Рогожском кладбище всегда содержалось большое количество священников, принимаемых “вторым чином”, т.е. чрез миропомазание с проклятием ересей, от господствующей церкви. В 1822 году были изданы верховной властью известные ограничительные правила насчет принятия вновь священников: вновь не принимать. Попечители кладбища заявили правительству, что у них находится 12 священников и 4 дьякона. До 1827 года из них пять священников и два дьякона умерли, а два священника ушли обратно в господствующую церковь, так что ко времени издания Высочайшего указа 1827 г., совсем воспрещавшего принимать вновь попов и дьяконов, на кладбище осталось только пять священников и два дьякона. В перспективе виднелось полное прекращение священства и все отсюда проистекающие бедствия для верующего человека. И хотя последние из

"указанных" попов дожили до 1854 года, но, естественно, не могли уже удовлетворять всех духовных потребностей массы прихожан и приезжих из других мест, где тоже наступило полное "оскудение священства". Приходилось содержать, конечно, с большим риском, тайных попов; но понятно, что "тайные" попы тем менее могли исполнять требы для народной массы. Они жили секретно в домах богатых людей, как более гарантированных от придирчивости и насилия со стороны агентов власти, а также у содержателей постоялых дворов — "ямщиков", которые в то время получили большое значение в старообрядчестве, так как развозили тайных попов по разным местам для исполнения треб: привезут обыкновенно священника ночью, он тут же исправляет все необходимейшие требы, и тут же его увозят "неведомо куда", так что в простом народе создался даже особый термин для таких священников — "проезжающие". Эти тайные священники иногда бывали и на Рогожском кладбище, укрываясь в обителях инокинь Пульхерии и Александры или в особых тайниках. Из таких тайных священников, одно время, около 1826 года, проживал на кладбище принятый от греческой церкви архимандрит Геронтий с Афонской горы. В сороковых же годах из таковых были известны священноинок Иларий и священник Федор Соловьев.

С водворением в России белокриницкого священства и с ростом числа священников, естественно, значение и вес "ямщиков", кормившихся около Ро-

гожского кладбища, было подорвано. Отсюда понятно, почему самый в то время видный и авторитетный из них – Иван Александров – резко пошел против нового священства, распространив по всем уголкам России неосновательную молву о том, что м.Амвросий белокриницкий был запрещен и что в греческой церкви – всеобдержное обливание в крещении, – молву, которую при тогдашних условиях, путях и средствах сообщения для массы не было возможности проверить, результаты чего печально сказываются и доныне, в виде разделения с нами наших братьев по вере – старообрядцев, приемлющих и до сего времени священство только от господствующей в России церкви.

Но при "оскудении священства" появились по необходимости еще так называемые "благословленные" старцы, большей частью иноки или же "черноризцы", т.е. давшие иноческие обеты и добровольно надевшие сам на себя иноческую одежду, без пострижения, если не могли найти для пострижения священноинока (иеромонаха). Они обыкновенно съезжались в Москву к великому посту со всех концов России: из Стародубских слобод, с Ветки, из монастырей Лаврентьева, Макарьева и Пахомьева, с Керженца, из Городца, с Кавказа и Сибири, с Урала, с Дона, с Иргиза, пока существовали там старообрядческие монастыри, с Поволжья и других мест. Эти чернецы и старцы проживали обыкновенно при домовых моленных богатых старообрядцев, в течение поста говели, исповедывались и причащались, помогали

священникам при исполнении треб, а затем, отпраздновав Пасху, уезжали каждый в свое место, а некоторые пускались в “странствие”, т.е. разъезжали или ходили по разным местам России, где есть старообрядцы, чтобы поддерживать и вдохновлять колеблющихся и унывающих под тяжестью гонений и “оскудения иерейства”, вселяя в них веру и надежду на лучшие времена, а также поддерживать связи с центрами. Они же обыкновенно увозили с собою из Москвы запасные дары, или же так наз. “большую” (богоявленскую) воду, которыми “по нужде” и причащали, а также принимали “исповедания согрешений”, для чего существовал даже особый упрощенный чин “скитского покаяния”; они же по нужде крестили, как говорилось тогда — “погружали”, обязывая при первой возможности “довершать крещение” и исповедь у священника. Они же руководили “простецким” богослужением. На все это они получали благословение у священников, откуда название “благословленные”. Браки за отсутствием священников сводились обыкновенно “по благословению родителей”, и редкие имели возможность лишь потом, имея уже детей, а часто и внуков, — в старости, чуть не перед смертью, “улучить священника” для церковного венчания. А многие совсем не могли этого сделать. Насколько сильна была вера у наших предков, видно из того, что многие, лишь бы исповедаться и причаститься у священника, ходили для этого пешком за тысячи верст.

Я уже упоминал, что так как за отсутствием епископов некому было освятить престолы Рогожских часовен, то литургии совершались в них в походных полотняных церквах древнего освящения. Еще в 1789 году для кладбища была добыта в Иргизских монастырях одна такая церковь; с того времени на кладбище и начали совершать изредка литургию, главным образом для освящения запасных даров. Разумеется, делалось это в большой тайне, дабы не навлечь гнева властей. Но по окончании войны с французами судьба улыбнулась рогожским старообрядцам. В 1813 году Москва занята была казаками, среди которых всегда была масса старообрядцев. Войсковой атаман граф Платов тоже был старообрядец. С духовными нуждами и за исправлением треб казаки обращались к Рогожским священникам. Как бы в благодарность за это граф Платов, оставляя столицу, подарил кладбищу, по просьбе священника о. Иоанна Ястребова, древнюю походную церковь, освященную в честь Пресвятой Троицы. Старообрядцы обратились к тогдашнему начальнику московской столицы за разрешением служить в этой церкви литургии, и им таковое было дано[1]. Кроме этих двух походных церквей, таковые имелись еще в обителях матерей Пульхерии

(1) "Дело департам. общ. дел мни. внутр. дел", 1823 г., № 10.

и Александры, а с тридцатых годов XIX столетия еще и у священника Илария, во имя Симеона Столпника[1].

С 1822 года повеяло другим духом в отношениях властей к кладбищу, опять-таки по доносам и под влиянием правящих кругов господствующей церкви, недовольных "уклонением православных в поповщину", главным образом посредством заключения браков.

13 и 14 января 1823 года в Рождественской часовне была расставлена новая походная церковь, в которой служили литургию соборно все кладбищенские священники. Молящихся было огромное количество. Некий купец Яков Игнатьев, "православная" душа которого не стерпела такого "соблазна для православных", сделал об этом донос, куда следует. Кладбище было подвергнуто обыску, после чего походную церковь из алтаря Рождественской часовни отобрали, а в довершение ужаса прихожан все до одной часовни запечатали.

Однако, по ходатайству попечителей кладбища Антипа Дмитриевича Шелапутина и Василия Ефремовича Соколова, часовни вскоре были распечатаны, но походную церковь не возвратили, так как Синод

---

(1) А.М.В.Д. "Следственное дело о действиях Авфония Кочуева и других раскольников", произведенное по Высочайшему повелению, в особой следственной Комиссии 1854 и 1855 гг.

постановил: "По неимению доказательства, что полотняная церковь действительно существовала на Рогожском кладбище до нынешнего ее открытия в 1823 году, на основании указа 1818 года, быть ей не дозволять, а церковь возвратить в тот монастырь, из коего взята". Император Александр I при докладе Синода сказал: "Если хочет Рогожское кладбище сохранить эту церковь, путь присоединится к единоверию, а если не согласится — отправить церковь"[1]. От попечителей отобрали подписку в том, чтобы впредь на кладбище литургий не было. Изредка литургии все-таки служились тайно, по ночам, при двух-трех надежных свидетелях. Но скоро стал ощущаться недостаток в запасных дарах, так как "указанные" священники "страха ради иудейска" стали отказываться служить литургии и тайно. Запасные дары стали выписывать из других тогдашних видных центров старообрядчества: из Иргизского Верхнепреображенского монастыря от игумена Силуяна, а также из стародубских слобод — от игумена Сергия Никольского монастыря, Суражского уезда, и от Рафаила из Покровского монастыря Новозыбковского уезда, Черниговской губернии. Когда эти монастыри были разорены или насильственно обращены в единоверческие, пришлось, при всей боязни служить литургии тайно в кельях матерей Пульхерии и Александры, у которых, как мы уже видели, имелись походные церкви. Когда

(1) Дело Синода 1823 г. о Рогожском кладбище.

прибыл на Рогожское кладбище первый старообрядческий епископ, поставленный для России в Белой Кринице, Софроний Симбирский, он первую архиерейскую обедню на кладбище служил тоже тайно в походной полотняной церкви, раскинутой в так называемой “холерной палате”.

Рогожские священники были независимы друг от друга. Доходы их были большие, но половина доходов отчислялась в капитал кладбища и на поддержание кладбищенских богаделен и других учреждений. Всем священникам выстроены были дома на кладбище. “Постановление о благочинии церковном”, упоминавшееся ранее, говорило о “всеобщем соборном суде” над священниками в случае незаконных действий или небрежного совершения богослужений. Но, разумеется, на практике выполнить это, при отсутствии авторитетной и сильной высшей духовной власти, было очень трудно, а во время “оскудения священства”, когда во всей России оставалось каких-нибудь три-четыре священника, и совершенно невозможно. Для “указных”, т.е. дозволенных, священников была установлена очередь служения, и при каждом состоял свой уставщик и певчие. Вот что гласит “Записка о поповских очередях” 1845 года, когда на кладбище оставалось только три священника: «Поп первой очереди — Иван Матвеевич Ястребов, при нем дьячок Василий Иванов. При них 14 певчих, из которых Антон Полиектов, Назар Семенов и Исаак

Антонов уважаются кладбищем, как искуснейшие знатоки священного писания.

Поп второй очереди — Петр Ермилович Русанов, дьячок его — Тит Софронов. При них 15 певчих, из коих Иван Григорьев Донской, Федор Васильев Жигарев и Тимофей Прокофьев считаются знатоками церковного порядка, особенно Иван Донской.

Поп третьей очереди — Иван Михайлов, при нем дьячок Евсей Мартынов и 19 певчих».

Вследствие "оскудения священства" уставщики часто отправляли и без них, с одними певчими, вечерни, утрени и т.п.

За все время существования Рогожского кладбища, до водворения на нем белокриницкого священства, вышеназванный священники о. Иоанн Матвеевич Ястребов был самым уважаемым и популярным в старообрядчестве. За свой большой ум и начитанность, за ревность к распространению и упрочению старообрядчества, "за словеса учительные и пользительные старообрядству", за трезвость, а также за огромную услугу, благодаря его смелости и распорядительности, оказанную им кладбищу в деле спасения его от разгрома французами в 1812 году, когда все разбежались, и лишь он остался на кладбище, о. Иоанн Ястребов стяжал славу "крепкого адаманта и твердого хранителя святоотеческих законов и древлецерковного благочестия" и пользовался таким авторитетом,

что все слушались беспрекословно одного его слова или даже взгляда. Большинство рогожских священников, современников о. Иоанна Ястребова, не оставались до конца верны старообрядчеству или вследствие притеснений властей и житейских расчетов, или по другим причинам. Так, например, священники Александр Иванович Арсеньев и Петр Ермилович Русанов, отличавшиеся, особенно последний, пьянством, алчностью и распутством, уклонились в единоверие, при чем о. Русанов принес кладбищу вдобавок и огромный вред тем, что способствовал насильственному отнятию у кладбища Никольской часовни и некоторых учреждений и водворению в них единоверия. Далее, "указные" попы, оставшиеся на кладбище к 40-м годам XIX столетия, боясь установления над собою контроля и законного начальства, а главное — уменьшения своих доходов, на рогожском соборе 1832 года были против учреждения за границей старообрядческой кафедры и приема на нее епископа. Но о. Иоанн Ястребов сам был в числе видных ее учредителей и подчинился в 1847 году власти белокриницкого митрополита, вместе с попечителями кладбища отправив в Белую Криницу за миром послов, в числе которых был и названный выше уставщик Федор Васильевич Жигарев, поплатившийся потом пожизненным заточением в каземат Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря. По прибытии в Россию первого епископа Софрония Симбирского (в мире Стефана Жирова), о. Иоанн Ястребов подчинился и ему, хотя ранее он у

него же был певчим. Признал он над собою власть и прибывшего потом в Москву Антония архиепископа Владимирского. Надпись на его надгробном памятнике а кладбище гласит: “Под сим камнем погребено тело священноиерея Иоанна Матвеевича Ястребова, трудившегося паствою православных христиан при сем Рогожском кладбище 49 лет и 9 месяцев. Скончался 19-го декабря 1853 года. Жития его было 83 года”.

Драгой рогожский священник о. Петр Русанов, тоже признавший в начале власть прибывшего из-за границы архиепископа Антония, 23 ноября 1854 года однако присоединился, как уже упомянуто, к единоверию, после допроса его “Высочайше утвержденной следственной комиссией 1854 г. о действиях Кочуева и других раскольников” по делу устройства заграничной епископской кафедры. Таким образом “бегствующее священство” на кладбище прекратилось, священникам же белокриницкого поставления служить на кладбище в часовнях было немыслимо вследствие страшного гнева Николая I на учреждение белокриницкой иерархии и усилившихся вследствие этого гонений на кладбище и все старообрядчество. Поэтому службы в часовнях начали отправлять одни уставщики с певчими, и это продолжалось несколько лет. На кладбище назначен был казенный “смотритель”. Настали времена небывалой строгости. Искали малейшего повода для расправы с Рогожским кладбищем за то, что оно принимало большое, если не главное

участие в учреждении за границей епископской кафедры. И этот повод, как мы увидим, был найден. Конечно, желание иметь своего епископа было всегдашней и единодушной горячей мечтой не одного кладбища, но и всего старообрядчества; конечно, самый замысел утвердить епископство именно за границей принадлежит не кладбищу, а известному в истории старообрядчества деятелю того времени Авфонию Кузьмичу Кочуеву, убедившему при помощи о. Иоанна Ястребова предварительно рогожских попечителей, а затем и весь рогожский собор 1832 г., с участием видных послов из главных центров старообрядчества — Стародья, Ветки, Иргиза, Керженца, Вольска, Казани и всего Поволжья, Тулы, Боровска, Ржева, Твери и Торжка, Екатеринбурга, Перми, Дона, Урала, Кавказа и т.д., — одобрить его мысль и уполномочить на ее осуществление, за что Авфоний Кочуев и окончил дни свои в Суздальском каземате[1]; конечно, практическим осуществлением и приведением в исполнение этого великого дела, спасшего старообрядчество от окончательного разрушения, мы обязаны горячей вере, неусыпным трудам, великому уму и неутомимой энергии инока Павла Белокриницкого; конечно, учреждение за границей епископства было делом общим, результатом решения всероссийского собора 1832 года и других совещаний. Но при всем

(1) "Записка о действиях Кочуева", протоиерея Арсеньева, и "Записка о Рогожском кладбище", его же.

том ясно, что без согласия Рогожского кладбища, и тогда уже занявшего доминирующее положение в старообрядчестве, без больших материальных затрат на это дело со стороны его видных представителей, например, Федора Григорьевича Рахманова и некоторых других, это большое, трудное и сложное дело едва ли осуществилось бы, и в этом отношении нужно отдать должную дань благодарности Рогожскому кладбищу. Что роль кладбища в деле устройства Белокриницкого монастыря и приема в старообрядчество митрополита Амвросия — одна из существеннейших, показывает и отношение к кладбищу Николая I, по приказу которого упомянутый попечитель кладбища Федор Рахманов также окончил дни свои в Суздальской монастырской крепости.

Разумеется, что все подобные гонения и кары не могли остановить распространения и роста белокриницкого священства. На самом кладбище иногда появлялись нового поставления священники для исполнения необходимейших треб, конечно, тайно, и то лишь по частным кельям.

В 1854 году, как выше замечено, кладбищенский священник Петр Ермилович Русанов "страха ради иудейска" и по другим причинам перешел в единоверие. В скором времени за ним последовали несколько прихожан кладбища, во главе с Сопелкиным, Аласиным и др. Этим воспользовались враги старообрядчества: "без всякой церемонии" Никольскую ча-

совню насильно у кладбища отобрали, и митрополит Филарет освятил ее на единоверческую церковь под тем нелепым предлогом, что отступившие от старообрядчества якобы имеют право на часть кладбища, как будто оно представляло их личную собственность, как совладельцев, а не было наследием предков, созидавшимся десятки лет. Как истые ренегаты, новые единоверцы старались всячески навредить старообрядцам. Они делали донос за доносом о том, что на кладбище водворились и тайно служат ненавистные правительству попы "австрийского поставления". И по настоянию митрополита Филарета казенный "смотритель" кладбища *своей властью* совсем запретил совершать в часовнях богослужение. Но это являлось слишком уже вопиющим произволом. Очевидно, по ходатайству старообрядцев, «в январе 1856 г., — как гласит официальный акт, — московским военным генерал-губернатором было доведено до сведения министерства (внутренних дел), что смотритель рогожского богадельного дома, статский советник Мосжаков самопроизвольно воспретил рогожским раскольникам совершать в часовнях их богомоления. Министр внутренних дел действительный тайный советник Ланской, принимая во внимание, что рогожские раскольники издавна (со времен царствования Екатерины II) отправляли богомоления в своих часовнях по их обрядам, и имея в виду, что Высочайшим повелением 21 декабря 1853 года раскольникам беспоповщинской секты дозволено собираться в часовнях на Преобра-

женском кладбище для молитвы, отпевания умерших и совершения панихид, причем разрешено им церковное пение, и что высочайшим же повелением 9 августа 1854 г. предписано принять по рогожскому богадельному дому те же меры, кои были установлены для Преображенского кладбища, признал распоряжение смотрителя Мосжакова о воспрещении богомоления в рогожских часовнях *неправильным* и вместе с тем сообщил генерал-адьютанту графу Закревскому о том, чтоб на будущее время не было делаемо препятствия рогожским раскольникам отправлять богослужение по их обрядам в упомянутых часовнях, *строго, однако, наблюдая за недопущением ими при сем публичного оказательства раскола*».

На первый раз, таким образом, "сорвалось", но очень ненадолго. Хитроумному Филарету нужно было лишь придумать "публичное оказательство раскола", благо распоряжение министерства давало к этому повод. Как раз в это время к нему поступил ложный донос, может быть им же и внушенный, будто священник белокриницкого поставления Д.Д.Крынин открыто служит в алтарях рогожских часовен. Филарету только это и было нужно. На основании доноса он немедленно послал в синод протест на распоряжение министра Ланского, отменявшее неправильные действия Мосжакова.

«Затем, в феврале месяце того же года 1856, — говорится в том же официальном документе, — госу-

дарь император, вследствие сообщенного его величеству святейшим синодом протеста московского митрополита Филарета о самоличном оказательстве рогожцами раскола, произведенном ими во время богомолений, совершенных после отмены неправильного распоряжения смотрителя Мосжакова, а также и полученного письма иеромонаха Парфения по тому же предмету, в коем указывалось, между прочим, и на бывшее какое-то столкновение между раскольниками и православными, высочайше повелеть соизволил: внести настоящее обстоятельство, по важности предмета, на рассмотрение секретного комитета.

По выслушании означенным комитетом упомянутого протеста митрополита Филарета и заявления иеромонаха Парфения, между членами оного произошло разногласие: шесть членов, признавая обвинения, взведенные на рогожских раскольников в публичном оказательстве ими ереси, доказанными, полагали запечатать алтари, дозволив раскольникам посещать часовни и молиться про себя(?); другие же три члена, признавая таковые обвинения, *в виду отсутствия формального по сему предмету дознания*, не доказанными, на ходили справедливым ограничиться строгим внушением раскольникам, дабы они, при совершении своих богомолений, отнюдь не дозволяли себе таких действий к соблазну православных, кои противны существующим на сей предмет законоположениям.

По доведении о сем до сведения государя императора, его величество высочайше соизволил утвердить мнение шести членов.

Во исполнение такового высочайшего повеления было немедленно сделано распоряжение об опечатании алтарей рогожского богадельного дома, что и исполнено 7 июля 1856 года».

«*Затем*, — говорится в том же документе, — *в виду возникших сомнений относительно справедливости обвинения рогожских раскольников в противозаконных действиях по расколу, высочайше повелено было произвести по сему предмету строгое исследование чрез особо для сего назначенных чиновников от гражданского и духовного ведомств.*

Командированными вследствие сего от московского военного генерал-губернатора и канцелярии обер-прокурора святейшего синода чиновниками, для производства дознания вообще по всем обвинениям, возведенным на раскольников рогожского богадельного дома, и по спросе некоторых свидетелей обнаружено, что *самоличного оказательства раскола на Рогожском кладбище, а также столкновения с православными никакого не было.* О чем и было министром внутренних дел всеподданнейше доложено государю императору».

Примерная, как видите, логичность! Некто подозреваемый, представьте себе, оговорен и оклеветан.

Его немедленно, “без формального по сему предмету дознания”, судят и лишают прав. “Затем, в виду возникших сомнений относительно справедливости обвинения”, приказывают “произвести по сему предмету строгое исследование”. Официальное следствие “обнаруживает” с несомненностью, что преступление осужденного выдумано доносчиками. Несмотря на это, несчастного не освобождают от присужденной кары и не возвращают ему отнятых у него прав.

Поводом к ложному доносу, имевшему столь роковые последствия для Рогожского кладбища, для неразборчивых в средствах клевретов митрополита Филарета, как рассказывал покойный владыка Арсений Уральский, с 1866 года служивший секретарем архиепископа Антония Московского, послужило следующее обстоятельство: когда кладбище лишилось всех “указных” священников, службу в часовнях поневоле стали править “простецкую” т.е. без священников; но уставщики, по обычаю, на месте священнических “возгласов” говорили: “Господи Исусе Христе Сын Божий, помилуй нас” или “За молитвы святых отец наших, Господи Исусе Христе Сын Божий, помилуй нас”. Такие возгласы как раз приходилось делать и на чтении кафизм, во время которых по старообрядческому обычаю сидят. Так как алтари не были освящены, а в 50-х годах стояли и совсем пустые, потому что о расставлении походной церкви и служении литургий и думать не приходилось, то “замолитвовавшие” уставщики иногда уходили “посидеть” в алтарь.

Случается, конечно, что человек, особенно сидя, от усталости за долгой всенощной, задремал. А между тем с клироса дают знать, что пора “замолитвовать”. Уставщик торопится выйти из алтаря северными или южными дверьми и уже вне алтаря делает возглас. Но иногда, не успев выйти из алтаря, и чтобы заметно не нарушать внешний порядок, уставщик “замолитвовал” прямо в алтаре. Вот это пустое и отчасти курьезное обстоятельство и дало агентам митрополита Филарета, приставленным для шпионства, не появятся ли на кладбище “австрийские” попы, которых Филарет, видимо, как огня боялся, — предлог донести, что “австрийские” попы уже служат в алтарях часовен.

Со времени рокового события 7 июля 1856 г. начинаются частые и настойчивые ходатайства представителей Рогожского кладбища пред правительством об открытии алтарей в храмах. Несколько раз подаются такие прошения нарочно в самые, казалось бы, удобные моменты — при восшествии царей на престол, при короновании и т.п., но безрезультатно; обыкновенно такие прошения возвращались с приказом “не беспокоить впредь такими неосновательными и тщетными просьбами”. В 1880 г., в эпоху либеральных веяний при Лорис-Меликове, выборные Рогожского кладбища, в числе 23 лиц, подали на высочайшее имя одно из таких прошений; оно препровождено было министру внутренних дел — на заключение заинтересованных ведомств. Обер-прокурор синода, с

которым по этому ходатайству снесся министр внутренних дел, уведомил, что "святейший синод не находит со своей стороны оснований к удовлетворению настоящего ходатайства московских раскольников". "По доведении о сем до сведения государя императора его величество в 28 день марта сего года высочайше повелеть соизволил: внести настоящее ходатайство на рассмотрение в комитет министров".

2 апреля 1880 г. министр внутренних дел Маков представил в комитет министров доклад с благоприятным для Рогожского кладбища заключением, присовокупив такой же отзыв тогдашнего московского генерал-губернатора. Тем не менее "отпечатать" алтари разрешено не было. В 1881 г., правда, было получено дозволение поставить временные алтари на амвонах храмов, в каковых и начали совершать литургию священники белокриницкой иерархии. Но скоро началась крутая реакция. Известный ненавистник старообрядчества проф. Н.Субботин и другие мракобесы выступили в реакционной печати против "вопиющего потворства оказательству раскола, угрожающего государственной безопасности", и "унижения святой православной церкви", и под влиянием этой травли, по настоянию мрачной памяти К.П.Победоносцева, министр внутренних дел в 1884 г. приказал убрать временные алтари.

Во время коронационных торжеств 1896 г., ныне царствующему Государю Императору опять было по-

дано прошение о распечатании рогожских алтарей. Как рассказывал владыка Арсений, со слов покойного Т.И.Филиппова, государственного контролера, имевшего большой вес и влияние в петербургских сферах и являвшегося сильным заступником за старообрядцев при грубых покушениях на их права К.П.Победоносцева, — прошение это принято было милостиво, но чуть ли не перед самым подписанием указа о "распечатании", узнав об этом, явился Победоносцев с киевским митрополитом и стали доказывать, что от такой меры чуть ли не рухнет русское государство. И прошение удовлетворено не было.

В 1903 г. московские старообрядцы опять подавали такое же прошение министру внутренних дел В.К.фон-Плеве, но опять безрезультатно: прошение, видимо, положено было под сукно.

Надежда на открытие алтарей вновь воскресла, когда начались либеральные веяния 1904 г., так называемая "весна" пр кн. П.Д.Святополке-Мирском. Опять подано было ходатайство об открытии алтарей.

И 16 апреля 1905 г., накануне издания указа о веротерпимости, старообрядцам были оказаны впервые необычные дотоле знаки официального внимания. В этот памятный день московским генерал-губернатором была получена следующая телеграмма Государя Императора.

«Повелеваю в сегодняшний день наступающего Светлого праздника распечатать алтари старообрядческих часовен Рогожского кладбища и предоставить впредь состоящим при них старообрядчески настоятелям совершать в них церковные службы. Да послужит это столь желанное старообрядческим миром снятие долговременного запрета новым выражением Моего доверия и сердечного благоволения старообрядцам, искони известным своею непоколебимою преданностью престолу. Да благословит и умудрит их Господь с полною искренностью пойти навстречу желаниям и стремлениям русской православной церкви и прекратить соборным решением тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую может только церковь.

Николай II».

Вслед за этой телеграммой были командированы в Москву придворные сановники князь Д.Б.Голицын и граф Д.С.Шереметев. В 3 часа дня Страстной субботы послы прибыли на Рогожское кладбище. Кн. Голицын прочитал высочайшее повеление с амвона летнего Покровского храма и срезал с алтарных дверей печати. Можно представить себе, что чувствовала в это время масса старообрядцев, узнавших о событии и собравшихся в большом числе на кладбище! Открыли дверь и со свечами вошли в алтарь. И какой же ужас предстал глазам! Воистину полная “мерзость запустения на месте святе”: пол местами прогнил,

киоты развалились, иконы попадали на пол, лики на них обсыпались и отстали, стенная живопись попортилась от пыли сырости, священные одежды и облачения истлели, и пыль, скопившаяся за полвека, толстым слоем покрывала все. На всем лежала печать разрушения, и когда стали открывать пробывшие полвека наглухо заколоченными окна, чувства не выдержали при виде представившейся ужасной картины, и раздались рыдания. Но летняя часовня не отапливается, и поэтому алтарь ее все же лучше сохранился, так что его оказалось возможным наскоро очистить и привести в более сносное положение для совершения пасхальной заутрени. Не то было в зимнем храме, алтарь которого распечатали вслед за летним храмом. Жуткое и гнетущее впечатление какого-то сырого и мрачного подземелья ощутили очевидцы при виде полнейшего хаоса, разрушения и запустения, пыли и плесени; пол провалился, иконы сгнили, штукатурка на стенах обвалилась, так что при виде такого поругания святыни нельзя даже было сообразить, за что здесь приняться. Понадобились время, много трудов и большие средства (около 30.000 рублей) на восстановление и рестазрацию алтарей. Но в течение почти 49 лет, когда рука человеческая не могла прикасаться к запечатанным алтарям, в них погибла безвозвратно масса редких археологических ценностей и святынь, которых нельзя купить ни на какие деньги.

День 16 апреля 1905 года навсегда останется в памяти московских старообрядцев, как историческая грань, положенная между печальным прошлым многострадального старообрядчества и новой эпохой сравнительной свободы вероисповедания.

И хотя вскоре после этого великого дня снова были попытки ограничить Рогожское кладбище в пользовании его новым положением, именно попечителям кладбища было объявлено распоряжение министра внутренних дел Булыгина не обращать храмы в "кафедральный собор", не допускать епископских служений и т.п., но жизнь оказалась сильнее канцелярских измышлений. 17-е октября 1905 г., день объявления манифеста о преобразовании государственного строя "на незыблемых началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов" и об учреждении законодательной Государственной Думы, — этот исторический день дал возможность первый раз открыто и тожественно совершить епископское служение в алтаре Рогожского храма архиепископу Иоанну Московскому и всея России и, таким образом, положить начало обращению Рогожских храмов в кафедральные и первопрестольные для всего русского старообрядчества, приемлющего священство белокриницкой иерархии.

Помимо своих замечательных храмов, Рогожское кладбище издавна славилось в старообрядчестве разными своими благотворительными учреждениями.

Для этой цели в разное время на кладбище воздвигнуто много построек в виде "палат" для призрения престарелых, неимущих и неспособных к труду старообрядцев, а также контора, гостиница, келии и дома частных лиц и т.п.

Кладбищенская контора-гостиница представляет из себя большой каменный двухэтажный дом. Собственно контора занимает одну из комнат нижнего этажа здания; в других комнатах нижнего этажа помещаются кабинет попечителей кладбища, кухня для приготовления кушаний на случай "поминок" по умершим прихожанам кладбища, склад церковно-хозяйственных принадлежностей и т.п. В верхнем этаже находится два огромных зала для собраний, устройства поминок и отдыха приезжих и другие комнаты, занимаемые рогожскими училищами: городским 4-классным, ныне, к сожалению, закрытым, и начальным.

В главном зале прежде висели три подлинные грамоты: 1) московского митрополита Антония 14 марта 1576 г. иеродиакону Стахею, 19 лет бывшему белым дьяконом Степаном Еремеевым, рукоположенному митрополитом Макарием, а затем постриженному в Кирилловом Белозерском монастыре, о разрешении ему перейти в ростовскую епархию. На грамоте печать и собственноручная подпись м. Антония, а на обороте подписи ростовских епископов Ионы и Давыда. 2) Патриарха Филарета Никитича 10 марта

1632 г. — храмозданная, но неизвестно какого храма, так как верха грамоты не сохранилось. 3) Патриарха Иоасафа 16 марта 1639 г. о назначении дьячка Леонтия Федорова, рукоположенного в иереи крутицким владыкою, к церкви в Костромском уезде. В 1854 г., при переходе Рогожского кладбища под надзор казенного смотрителя, все эти ценные археологические памятники были конфискованы и сданы в архив министерства внутренних дел ("Дело департамента общих дел", 1854 г., № 79).

Кроме этих грамот в главном зале висели царские портреты, план Рогожского кладбища, карта Европы и писаные портреты священника И.М.Ястребова и других.

Ныне кроме всего этого висят еще: писаный портрет митрополита Амвросия Белокриницкого, фотографический портрет рогожского священника о. Петра Дрегунова, в пострижении священноинока Павла, фотографические виды кладбища, а с недавнего времени громадная картина "Вид распечатанного алтаря в храме Рогожского кладбища".

Поминки по умершим прихожанам кладбища устраивались в конторе кладбища на основании следующего кладбищенского "постановления о единообразном действии" (ст. 7): "Для поминовения усопших, по случаю смешения с неверными, и дабы не подать соблазна и претыкания, то на обед как священникам, дьяконам, так и всем при них служащим

от сего не ходить и не ездить, а если кому из желающих будет угодно, то может уготовить всем на то изготовленным, во всеобщем гостином покое оную исполнить во славу Божию и на память усопшему в следующем порядке..." Подлинник этого постановления 1825 г., за подписью семи священников, двух дьяконов, уставщика Терентия Заболоцкого и попечителей: Павла Дунякова, Лариона Абрамова, Ивана Окорокова, Трифона Лубкова, Давыда Щекина, Федора Бокова и Николы Царского был передан тоже в архив министерства внутренних дел ("Дело департ. общ. дел", 1853 г., № 516).

Конторой кладбища всегда заведовал особый конторщик. Из конторщиков следует отметить, как самого видного и влиятельного, Кондратия Никифоровича Синицына, служившего с 1814 по 1844 гг. После него служил конторщиком Дмитрий Корнеев, оставивший по себе хорошие воспоминания. Синицын имел своими помощниками купца Авфония Кузьмича Кочуева, уроженца города Горбатова Нижегородской губернии, (Кочуему принадлежит инициатива устройства за границей епископской кафедры), и Петра Осиповича Смыслова. Все эти лица имели огромное влияние на дело учреждения и упрочения белокриницкой иерархии, принимая в нем живое и деятельное участие.

В конторе находился и архив Рогожского кладбища. Более замечательные бумаги, а равно поход-

ные полотняные церкви, антиминсы и т.п., вследствие гонительного времени, укрывались в подземную кладовую под деревянной колокольней, стоявшей близ храмов, в которую входить могли только конторщик, попечители и о. И.М.Ястребов[1]. Самые важнейшие бумаги и акты хранились по частным домам конторщиков и других надежнейших лиц из прихожан кладбища. Вследствие всего этого некоторые чрезвычайно важные и ценные документы не сохранились на кладбище и для истории потеряны, другие в 1854 году конфискованы и переданы в архив министерства внутренних дел. Кроме того, часть, как говорили, сгорела во время одного пожара на кладбище, часть же застряла, как говорят, у наследников кладбищенских конторщиков Синицына и Корнеева.

О богатстве библиотеки и ризницы кладбища можно судить по тому, что было найдено в них в 1854 году при приеме кладбища в ведение казенного смотрителя, хотя, как говорят, наиболее замечательные и драгоценные вещи успели заранее передать надежнейшим и виднейшим прихожанам кладбища.

Найдено: риз священнических 1150, и между ними множество бархатных, золотых и серебряных парчей; епитрахилей 66; поручей 228 пар; стихарей

(1) "Записки протоиерея Арсеньева", в "Следствен. деле о действиях Авфония Кочуева и др. раскольников", 1854 и 1855 гг.

59; орарей 50. Найдено также в кладовых 494 иконы, которые, очевидно, некуда было поставить.

Кладбищенская библиотека отличалась редкими древнеписьменными и старопечатными книгами, которые десятками лет тщательно собирались, не жалея средств. Но она не была описана и хранилась без всякого порядка, почему сильно "растаяла". Но и в 1854 году, при приеме кладбища в ведение правительства, в ней нашли 517 книг, из них около 50 древнеписьменных, в том числе такие ценные, как "Никона Черные горы", писанная в 1366 г., "Толковое евангелие" 1407 г., "Служебное евангелие" 1551 г., 12 "Миней месячных" 1557 г., "Ирмосы певчие", писанные в Ростове в 1622 г., и др.; а из старопечатных: "Острожская библия" (1581 г.), "Евангелие напрестольное" (1606 г., 1648 г. и 1651 г.), "Апостол" (1635 г.), "Устав" (1640 г.), "Око церковное" (1641 г.), "Кормчая" (1650 г.)[1].

Эти замечательно ценные и в историческом и в литургическом отношении библиотека и архив, еще к тому же обогатившиеся огромным собранием книг после смерти архиепископа Антония, и до сего времени, к большому сожалению, представляют мертвый капитал, не приведены в должный порядок, даже не имеют описания и совершенно не доступны не только для публики, но и для прихожан кладбища, и даже

(1) "Дело департ. общ. дел", 1854 г., № 79.

для исследований специалистов, так что даже "доступности" правительственных и иных архивов приходится завидовать.

Кроме конторы-гостиницы в ограде кладбища находятся: недавно выстроенная, большая прекрасная лечебница имени С.И.Морозова, дом для квартир священнослужителей и "палаты" для призреваемых на кладбище и певчих, а именно: "новая", каменная двухэтажная; "козина", ныне Я.И.Белова, тоже каменная, двухэтажная; "певчая", каменная, двухэтажная, в которой до 1835 г. помещалось Рогожское училище, а затем она отведена для квартир певчих; "константиновская", двухэтажная, в которой в прежние времена наверху помещались призреваемые женщины, а внизу останавливались приезжие из простонародья для крещения младенцев, венчания и т.д.; "холерная", ныне Е.П.Тимашевой, каменная, "антоновская", "имени К.Т.Солдатенкова", "имени А.К. и Э.К.Рахмановых", деревянная, двухэтажная, и другие. Издавна существует на кладбище и "приют для душевнобольных женщин", но до самого последнего времени он был самого примитивного устройства. В прежнее время душевнобольных, как и всюду, не лечили. В комнатах находились нары. Смирительных рубах на беспокойных не надевали, а по дедовскому обычаю, как почти везде в то время, сажали на цепь. Лишь в 1909 году это учреждение было капитально перестроено и приведено в должный порядок, сообразный с требованиями медицины и гигиены.

В прежнее время существовал на кладбище еще особый "сиротский дом", для воспитания "подкидышей", а также детей, приносимых под таким наименованием бедными родителями, главным образом солдатками, для их избавления от участи военных кантонистов, или крепостными крестьянами для избавления их о барской неволи. Воспитательное дело было в этом приюте поставлено так же примитивно. Детей не лечили, кормилиц не держали, воспитывая младенцев на рожке, и т.п. Отсюда обычно громадная смертность детей даже ныне, и притом во много лучше поставленных воспитательных домах, на Рогожском кладбище была еще выше.

На это указывает следующий факт: при приеме кладбища в ведение правительства в 1854 году в кладовой найдено 119 больших гробов и 150 младенческих, 48 похоронных покрывал для взрослых и 12 для младенцев.

В 1834 году было положено начало закрытию "сиротского дома": 54 мальчика от 3 до 15 лет отобрали в Воспитательный дом, а 14 мальчиков старше 15 лет взяли в кантонисты, приказав впредь детей по достижении ими 3 лет передавать в Воспитательный дом, что было, собственно, концом "сиротского дома", так как не могли же старообрядцы воспитывать младенцев только для того, чтобы их потом делали сынами господствующей церкви, может быть врагами и гонителями старообрядчества.

Для рогожских воспитанников и приходящих детей на кладбище до 1835 года существовало училище, где преподавалось чтение, письмо, счет и церковное пение. Оно существовало на тех же основаниях, как старообрядческое Гребенщиковское училище в Риге. Рогожское училище в 1835 году было закрыто под тем предлогом, что не находится в ведомстве министерства "народного просвещения" и не подходит по своему характеру под устав приходских училищ 1828 года, а безродных школьников взяли в кантонисты. Гребенщиковское училище хотя тоже в те мрачные времена не уцелело и было в 1843 году закрыто, но оно все-таки было потом восстановлено на особых правилах, высочайше утвержденных 4 февраля 1866 года. Возобновить же рогожское училище так и не удалось до провозглашения на Руси политической свободы. Воспитанницы кладбища обучались грамоте у "читалок" и "канонниц". Из Рогожского училища вышло много чтецов, певцов и уставщиков, которые известны были и за пределами Москвы. Но и такие жестокие и в сущности дикие, нелепые и бессмысленные мероприятия, как закрытие школ, не могли заглушить в старообрядцах стремления к свету и грамотности: училище было перенесено с кладбища в деревню Новинка удельного ведомства, близ села Коломенского (9 верст от Москвы), где продержалось при часовне до 1839 года, когда было снова разорено распоряжением управляющего московской удельной конторой. Но и тогда оно не прекратилось, а было

опять тайно перенесено в село Коломенское к тамошней часовне[1].

Кроме богаделенных и иных "палат" на кладбище был построен особый дом под именем "приюта" для приезда свадеб и для отдыха молящихся, живущих далеко от кладбища, во время говенья, между службами или перед заутренями на большие праздники.

Обстановка богаделенных "палат", как и теперь, была очень скромная.

Белье и одежда призреваемых издавна приобретаются на счет кладбища, но дозволяется иметь и свое. В палатах находятся иконостасы с подсвечниками и аналоями, за которыми "читалками" и "канонницами" читается заупокойная псалтырь и т.п., а иногда так называемая "неугасимая", т.е. беспрерывно, без угашения лампад и свеч. В 30-х годах XIX столетия количество призреваемых на кладбище превысило 1000 человек. Но в 1835 году кладбище по приказу властей переименовано в "Рогожский богаделенный дом", и в нем оставлены только самые престарелые и немощные, да разрешенное количество

---

(1) "Собрание постановлений по части раскола", стр. 161, 162, 172 и 176. "Журнал москов. совещат. о раскольниках комитета", 22 ноября 1839 г. и 10 апреля 1840 г., в архиве московского генерал-губернатора.

прислуги, считая по одному человеку на десять призреваемых.

Содержание и внутренний распорядок богаделен, в которых призревается ныне около 700 человек, заставляют желать многого. Лишь а последние годы, когда с учреждением на кладбище общины, постепенно водворяется больший порядок вообще в делах кладбища, и в богадельнях кое-что делается в смысле упорядочения, соблюдения необходимой чистоты и т.п. Но нужно сказать, что и трудно добиться больших результатов в этом отношении: средства кладбища ограничены, здания се старые, строенные без расчета и системы и большею частью не отвечающие современным техническим, гигиеническим и иным требованиям.

На Рогожском кладбище, кроме всех перечисленных учреждений, в прежнее время было еще несколько женских обителей с инокинями и “белицами”, число которых, например, в 1845 году достигало 164 человек. На многочисленность жителей в обителях и на большое количество пострижений в иночество указывает и тот факт, что в 1854 году, при приеме кладбища в ведение казенного смотрителя, в кладовой было найдено между прочим 300 “власяниц”. Но с течением времени большинство этих обителей прекратило свое существование, главным образом вследствие гонений правительства Николая I. Эти обители, как и другие в то время, оказывали на ста-

рообрядчество вообще и особенно на старообрядческие скиты и монастыри большое влияние, способствуя укреплению старообрядчества, сохранению в нем единства, распространению грамотности и т.п. Из всех уцелевших до 1850-ых годов скитов, т.е. не разоренных или не отнятых насильственно для передачи единоверцам, в эти годы, под предлогом будто бы ведомой скитами "пропаганды раскола", были высланы все иногородние обитатели или обитательницы, а также имеющие менее 50 лет от роду, кроме ближайших родственников коренных обитателей скитов, например, дочерей и т.п. В 1854 году не избежали этой участи и обители Рогожского кладбища.

Но жизнь идет своим чередом, и обыкновенно находит пути для обхода административных капризов.

В большинстве уцелевших скитов их обитатели, чтобы поддержать их существование, стали прибегать к вынужденной лжи: принимая новых лиц в скит, они заявляли администрации, что это их дочери, сыновья и т.п. Отсюда не имеющая под собой твердой реальной почвы легенда о господствовавшем будто бы в скитах чуть не поголовном разврате, передававшаяся из официальных сфер отчасти и обществу, и повлекшая окончательное разорение и остатков скитов и обителей. В силу этих и подобных условий и кладбищенские обители прекратили свое существование, за исключением одной, которая уцелела до настояще-

го времени. Впрочем, одна из рогожских обителей инокини Александры была перенесена в Белую Криницу, где в июле 1852 года мать Александра была поставлена игуменьей тамошнего Успенского женского монастыря, образованного из ее обители. Рогожские женские обители были общежительные. Каждая из них имела свои средства. Съестные припасы они получали от кладбища и, кроме того, пользовались обычными подаяниями прихожан кладбища на большие праздники или по случаю смерти кого-либо и т.п. В таких случаях обыкновенно "заказывали" в обители или по богадельням читать псалтирь, или же для этой цели брали на дом инокинь или послушниц "стоять свечу". "По сбору" рогожские скитницы никогда не ходили и не ездили. В обителях, а также и в богадельнях могущие работать занимались разными рукодельями, например, вышиваньем, вязаньем, плетеньем, приготовлением лестовок, шитьем облачений, бисерных окладов на иконы и т.п., а также прядением льна и шерсти и приготовлением простых тканей для надобностей обителей.

На Рогожском кладбище, по издавна заведенному обычаю, дозволялось строиться и частным лицам. Отсюда большое количество на кладбище частных келий и домов, в которых обыкновенно жили их хозяева или лица по их указанию, а по смерти их эти здания поступали в собственность кладбища, которое или сдавало их в наем за известную периодическую или единовременную плату, или пускало жильцов

бесплатно по своему усмотрению, или обращало здание на свои общественные надобности. Но такой порядок не всегда ранее соблюдался, и были случаи, когда владельцы частных келий и домов незаконно и без ведома кладбища продавали их другим лицам, иногда для кладбища вовсе нежелательным. Происходило это до учреждения на кладбище общины по указу 17 октября 1906 года вследствие слабого надзора или же попустительства, может быть и вообще вследствие неопределенности и неустойчивости прежнего юридического положения кладбища. Только в последнее время приняты против этого ненормального явления серьезные меры.

Из этих частных домов в 1854 году 12 лучших были отняты под квартиры единоверческого клира, казенного смотрителя и т.д.

В этом же 1854 году правительство потребовало от всех владельцев частных домов и келий на кладбище документы и планы, и так как таковых ни у кого не оказалось, то 2 января 1857 года дело окончено было тем, что правительство *все строения внутри кладбищенской ограды* признало собственностью "Рогожского богаделанного дома".

Всеми зданиями и постройками занята южная часть владения кладбища, а северная и гораздо большая часть представляет кладбище, в собственном смысле этого слова, и пустое запасное пространство.

Рогожское кладбище имеет свой значительный капитал, составившийся путем пожертвований, поступлений по духовным завещаниям, тарелочного сбора, дохода от продажи свеч и т.д. Так как кладбище не имело прав юридического лица, и завещать прямо на имя кладбища было рискованно, в смысле опасности неутверждения завещания гражданской палатой, то обыкновенно завещание предоставляло душеприказчикам, "с общего всех их согласия, по их благоусмотрению", сделать пожертвование "на богоугодные дела", а куда и сколько, завещатель распоряжался словесно или в частной записке. Затем, почти все капиталы кладбища хранились в частных руках попечителей, и лишь некоторые процентные бумаги да необходимые суммы на текущие расходы хранились в конторе кладбища.

Разумеется, такие порядки, практикуемые по необходимости, могли порождать известные недоразумения, даже злоупотребления т.п. Но, с другой стороны — они же, может быть, и способствовали сохранению кладбища за старообрядцами даже в самые мрачные и тяжелые времена: в самом деле, конфисковать кладбище с его учреждениями, но без капиталов, иначе говоря — содержать его на счет казны, — такая мысль, естественно, правительству улыбаться не могла и, может быть, способствовала отчасти охлаждению филаретовских вожделений на обладание "центром раскола".

При водворении на кладбище казенного смотрителя в 1854 году в конторе нашли только 17.464 р. 82 к. в именных билетах Московского опекунского совета и немного наличных денег на текущие расходы, хотя, как говорит молва, может быть, и недостоверная, в цветущие времена кладбищенский капитал доходил до двух с половиной миллионов рублей, причем, в случае больших расходов, пополнялся по подписке или даже по раскладке между богатейшими прихожанами. Ясно, что значительную часть капитала в 1854 году успели убрать в частные руки. В 1865 году шайка ловких мошенников, переодевшихся жандармским полковником, квартальным надзирателем и "добросовестными" и явившихся на кладбище якобы для обыска, похитила и этот незначительный капитал кладбища.

В настоящее время имущество и капитал старообрядческой общины Рогожского кладбища, по балансу на 1 января 1910 года, представляется в следующем виде:

1) Недвижимого имущества, не считая храмов и их обстановки 956.556 р. 74 к.

2) Разного движимого имущества 18.043 р. 38 к.

3) Процентных бумаг (по номинальной стоимости) на 1.069.845 р. 00 к.

4. Кассы и на текущих счетах 1.297 р. 9 3/4 к.

5. Долгов за разными лицами 27.729 р. 15 к.

6. Разных строительных материалов, дров, масла деревянного, ладану, свечей, товаров, хлеба, съестных и иных припасов и т.п. 17.434 р. 63 к.

Всего 2.113.937 р. 72 3/4 к.

По тому же балансу за общиной состояло разных догов:

1) Своим капиталам 59.750 р. 51 к.

2) Разным лицам и учреждениям 81.632 р. 47 к.

3) Не списанных расходов по ремонту храмов в 1905 году 23.031 р. 73 к.

Всего 164.414 р. 71 к.

Таким образом, в смысле материальных средств, существование кладбища прочно. Но возросшие потребности не могут уже быть удовлетворены наличными доходами кладбища, и сметы последних лет составляются с чувствительными дефицитами. Разумеется, такое явление нельзя назвать нормальным, когда накопленный многими десятилетиями капитал должен погашать дефициты или убывать. Необходимо или изыскивать пути к упорядочению и сокращению расходов, и отчеты общины Рогожского кладбища за последние годы показывают, что кое-что в этом направлении сделать можно без сякого ущерба интересам кладбища, или изыскивать источники новых доходов, что гораздо труднее: пожертвования везде сокращаются, а устройство каких-либо доходных

предприятий требует затраты единовременно больших средств, рисковать которыми опасно. Но будем надеяться, что пути для выхода из подобных затруднений будут найдены, и пути достойные этого учреждения, как дорогого сердцу каждого старообрядца памятника веры и усердия наших предков[1].

(1) Пособия: "Новые материалы для истории старообрядства" Е.Барсова; "Исторические очерки поповщины" П.Мельникова; "Из истории Рогожского кладбища" Н.Субботина и др.

1. Вид на Рогожское старообрядческое кладбище. Фото начала XX в.

2. Покровский собор. 1790 — 1792. Арх. М.Ф.Казаков (?). Фото начала XX в.

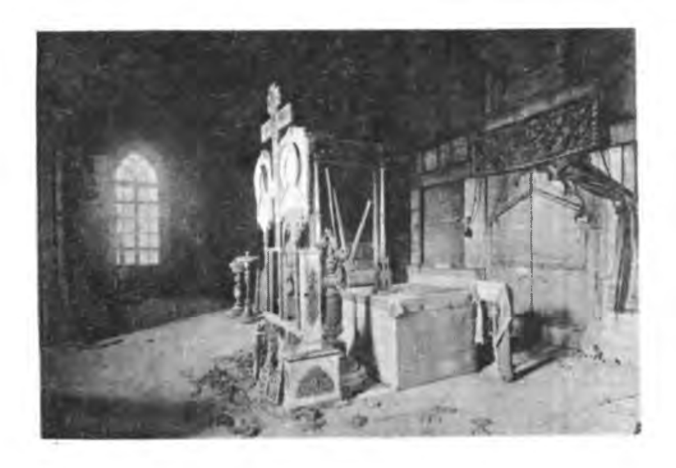
3. Интерьер Покровского собора. Современное фото.

4. Храм Рождества Христова. 1804. Арх. Жуков. Фото начала XX в.

5. Интерьер Рождественского храма. Фото начала XX в.

6. Вид распечатанного алтаря Рождественского храма. Святой престол. Фото начала XX в.

7. Вид распечатанного алтаря Рождественского храма. Диаконник. Фото начала XX в.